

Асир окончательно сдался лишь после того, как Бичила перевелся на факультет подготовки боевого состава. Оставив попытки преследования, он вернулся к изучению машиностроения.

В отличие от Бичилы, который ухитрился закончить обучение экстерном всего за год, Асир шел по пути обычного студента. Он завершил программу в положенный срок, не демонстрируя выдающихся успехов и довольствуясь весьма посредственными результатами. Однако сразу после выпуска его, как обладателя феноменальной реакции и исключительных боевых навыков, зачислили в армию. Получив статус особого таланта, юноша был направлен прямым путем в элиту — Отряд Тысячи Пределов, объединявший лучших экспертов по истреблению изначальных.

К этому времени Асир разительно изменился. Юношеская мягкость окончательно стерлась, уступив место резким, благородным чертам лица, которые так ценили дамы. Годы службы в отряде, сопряженные с постоянными вылазками в дикие земли и необходимостью слаженной работы в команде, научили его искусству общения. Он стал вежливым, сдержанным и предельно эффективным в диалоге. С ростом заслуг и продвижением по службе крепла и его харизма. Способность располагать к себе людей стала для него профессиональной необходимостью, превратив офицера в лидера, которого подчиненные одновременно и безгранично уважали, и на которого привыкли полагаться.

Но если один изменился скорее внутренне, то Бичила Сашель преобразился до неузнаваемости как душой, так и телом.

С того самого дня, как Асир на его глазах вырвал себе глаз, Бичилу преследовали кошмары. Постоянный страх мести в сочетании с изнурительными исследованиями и не менее тяжелой боевой подготовкой привели к тому, что некогда пухлый мальчик за полгода сбросил тридцать фунтов. Не прошло и года, как его вес пришел в норму.

Следом наступил период бурного роста, когда от боли в суставах сводило ноги даже во сне. В промежутке между тринадцатью и шестнадцатью годами Сашель вытянулся почти на два фута. Лишний жир ушел, явив миру правильные черты лица, которые раньше были надежно скрыты под слоем детской пухлости. Внезапно к его единственному достоинству — научному таланту — добавилась и незаурядная внешность.

У обычного человека подобная потеря веса, вызванная стрессом и перегрузками, наверняка сменилась бы обратным эффектом, стоило жизни войти в мирное русло. Но Бичила, поступив на суровый факультет подготовки боевого состава, стал профессиональным военным. Даже после выпуска он не мог избавиться от воинской обязанности. Если бы не его дар исследователя, командование наверняка отправило бы его на передовую, а не распределило в научный институт. Для кадрового офицера даже на штабной должности ежедневные тренировки и регулярные проверки боеспособности были неотъемлемой частью жизни.

Жесткая дисциплина навсегда покончила с хаотичным бытом «лабораторного затворника» — по крайней мере, до его ссылки в Кос всё обстояло именно так. Ученый, которого никогда не

интересовало ничего, кроме науки, на удивление легко принял милитаризацию своей жизни. За годы учебы физические нагрузки стали для него привычкой.

Впрочем, ни красивое лицо, ни подтянутая фигура не могли исправить его катастрофическую неспособность к социальному взаимодействию. Стоило Сашелю открыть рот, как наружу прорывался всё тот же несносный мизантроп. Он оставался тем самым типом людей, которых больше всего недолюбливают в социуме: гением с нулевым эмоциональным интеллектом, не желающим выстраивать близость ни с кем без крайней необходимости.

Их первая встреча после выпуска произошла как раз в то время, когда Асир получил звание младшего лейтенанта.

— Бичила? — Асир пристально оглядел стоявшего перед ним человека.

— Он самый, — неприязненно отозвался тот, выдерживая взгляд.

— Ты действительно Бичила? — Асир, казалось, усомнился в собственном зрении.

— Оригинал, не сомневайся, — ученый заставил себя игнорировать коллег, которые, затаив дыхание, пялились на красавца-офицера.

— Ты сильно отличаешься от того, что осталось в моей памяти, — заметил Асир.

— А ты всё такой же мерзкий... погоди, ты что, серьезно меня помнишь? Неужели до сих пор мечтаешь о мести?

Собеседник пропустил вопрос мимо ушей.

— Я помнил тебя не таким симпатичным. В моих воспоминаниях ты был грязноватым, но очень шустрым шарообразным существом.

— ...

Пока Бичила сражался с массивами данных, Асир проливал кровь в пустошах. Когда ученый наконец получил собственную лабораторию, его старый знакомый уже носил орден Славы и занимал пост заместителя командира Отряда Тысячи Пределов. Будучи одним из немногих офицеров Каоса, получивших повышение исключительно за боевые заслуги, Асир стал самым молодым младшим лейтенантом в истории, вписав свое имя в анналы. Бичила же, едва покинув стены факультета, получил звание лейтенанта за выдающийся вклад в биоинженерию. И хотя он ни разу не был в диких землях и не убил ни одного изначального, военные оценили его мозг... Но сейчас всё это было неважно. Важно было то, что человек, от которого он бежал годами, снова стоял перед ним и открыто насмехался. Давняя истерия, никогда не исчезающая до конца, вспыхнула с новой силой.

— Ты кого это назвал шарообразным существом?!

Наплевав на дорогостоящее оборудование и присутствие коллег, Бичила с яростным воплем бросился на Асира.

Тот, хоть и не понимал причин такой бурной реакции, покорно подставляться не собирался. Руководствуясь духом конституции, он приложил все силы для защиты своей физической неприкосновенности.

Два человека с феноменальными рефлексами устроили в лаборатории многочасовое побоище.

В пылу драки они, сами того не желая, продемонстрировали чудовищный разрушительный потенциал. Лаборатория превратилась в руины, оборудование было уничтожено, а все те, кто пытался разнять дерущихся, в итоге сами оказались на полу с различными травмами.

Лишь когда избитый Сашель оказался прижат к стене Асиром, на лице которого тоже красовались ссадины, эта затянувшаяся дуэль подошла к концу.

Бичила впервые проиграл. И впервые с ним обращались столь бесцеремонно. Несмотря на отсутствие фронтового опыта и былую полноту, в академии он всегда подавлял сокурсников за счет скорости реакции. Позже он заменил часть своего эндоскелета на искусственные аналоги, и его тело по прочности и гибкости должно было превосходить тело противника, чей единственный протез заменял правый глаз. Ученый никак не ожидал, что закончит вот так: беспомощно дрыгая ногами, выкрикивая ругательства и не в силах шевельнуться под железной хваткой врага.

Асир сохранил достоинство победителя, но вернувшись в офицерское общежитие, долго разглядывал свое отражение в зеркале. Он коснулся разбитой губы, ощупал посиневший подбородок и погрузился в глубокие раздумья, полные изумления.

Он был профессиональным военным, прошедшим через горнило пустошей. Его сила в разы превосходила возможности обычного человека. И всё же какой-то кабинетный исследователь ухитрился нанести ему травмы в рукопашном бою.

Это было его единственное поражение с момента рождения, если не считать неудач в машиностроении. С того дня Асир начал фанатично оттачивать технику рукопашного боя, готовясь к следующей возможной стычке.

Как он и ожидал, вскоре они снова встретились на церемонии награждения за военные научные проекты.

Именно в тот день за Бичилой закрепилось прозвище «Чудо Сашель».

И в тот же день Бичила снова напал первым.

Однако на этот раз Асир не получил ни единой царапины, а незадачливый агрессор потерпел сокрушительное и унижительное поражение...

— Бичила, ты до сих пор продолжаешь это бессмысленное исследование «Глаза эльфа»? — внезапно спросил Асир ровным голосом. — Именно поэтому ты хотел купить ту чистокровную эльфийку?

— Допустим, — Бичила стиснул зубы. — И что с того?

Он старался держать себя в руках, чтобы не сорваться на крик из-за неудавшихся торгов.

Наука давно доказала, что глаза чистокровных эльфов после извлечения превращаются в драгоценные камни неопишуемой красоты. Но сам механизм этого превращения оставался одной из величайших загадок. Любой ученый задавался вопросом: почему кристалл, для формирования которого в природе требуются колоссальное давление, жар и специфические жидкости, возникает мгновенно, стоит ему лишь покинуть живой организм? Современная биоинженерия могла менять кости и органы, но пасовала перед тайнами мозга и нервной системы. Можно было копировать генетический код, но любая попытка манипулировать им вела к необратимым мутациям. Казалось, некие незримые силы ограничивают «безумных ученых», заставляя их действовать строго в рамках морали под угрозой потери человеческого облика.

Возможно, именно в этом и крылась причина того, почему они до сих пор не смогли генетически адаптировать людей к суровому климату Кадора, из-за чего средняя продолжительность жизни едва превышала сорок лет.

Мораль часто тормозила развитие биотехнологий, призванных служить человечеству, но люди не могли от неё отказаться. Ведь именно моральные ценности были тем фундаментом рациональности, который делал человека человеком.

И хотя Бичилу — некогда знаменитого молодого гения — ждали куда более масштабные нераскрытые тайны, он упорно цеплялся за «Глаз эльфа», который многим казался пустой тратой времени.

— Это моё личное дело, — бросил ученый. — И у тебя нет права вмешиваться.

— Бичила, оставь «Глаз эльфа», — прервал его Асир тем самым уверенным тоном, который Сашель ненавидел больше всего. — Ты нужен мне.

— ...

<http://bllate.org/book/15827/1428038>